

Т. В. Еременко¹

аспирант кафедры статистики, учета и аудита Санкт-Петербургского государственного университета

«ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МАРКСИЗМА» М. И. ТУГАН-БАРАНОВСКОГО В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

В природе все что угодно, над чем мы имеем власть, может служить нам средством, и только человек и с ним всякое разумное существо есть цель в себе.

И. Кант

Среди работ М. И. Туган-Барановского видное место занимает его книга «Теоретические основы марксизма»². Это произведение является одним из достижений русской науки начала XX в., и может быть именно поэтому оно принадлежит к наиболее замалчиваемым произведениям великого экономиста. Назначение этой книги состоит в том, что автор, развивая идеи Маркса в части теории стоимости, экономических циклов и социальной теории заработной платы, тем не менее опровергает в ней два очень важных тезиса о недостаточности рынков для реализации продукции капиталистического производства и о падении нормы прибыли и тем самым, в противоположность тезису Маркса о внутренней обреченности капитализма, как экономической системы, показывает его жизнеспособность.

Популярное и даже привилегированное положение марксизма в дореволюционной России затрудняло его критику, более того, любая критика учения К. Маркса воспринималась как предательство интересов пролетариата и идей социализма. Однако Туган-Барановский был убежден, что любое экономическое учение, так как оно связано с реальной жизнью, подвержено изменениям, как и сама реальность. Ученый писал по этому поводу: «Каждые четверть века работа предшествующих поколений экономистов стирается новыми поколениями, и научное здание как бы строится заново» (Туган-Барановский, 1897, с. 24).

Свою позицию относительно научной критики Туган-Барановский выразил в предисловии к работе «Теоретические основы марксизма», которая была опубликована в 1905 г. одновременно на русском и немецком языках, о чем он писал: «...Настоящая книга далеко не преследует цели простой полемики; критикуя Маркса, я стремился придать своей критике не только отрицательный, но и положительный характер. Моя критика не направлена против Маркса как пред-

¹ Электронный адрес: eremenkotanya@users.mns.ru.

² Книга М. И. Туган-Барановского была первоначально написана им на немецком языке, а затем им же был сделан русский перевод. «Я хочу выпустить эту книгу потому, что в немецкой литературе в настоящее время мои книги встречают гораздо больше внимания и интереса, чем в России», — писал М. И. Туган-Барановский А. А. Кауфману в 1904 г. (Неизвестный М. И. Туган-Барановский, 2008, с. 90) — *прим. ред.*

ставителя определенных социальных идеалов; наоборот, высказываясь против данного автором «Капитала» обоснования этих идеалов, я хотел бы содействовать их лучшему и более прочному обоснованию» (Туган-Барановский, 1905, с. V).

Следует отметить, что публикация данной работы в Германии была воспринята иначе, чем в России, о чем писал сам Туган-Барановский: «Немедленно целый ряд ученых — Эйленбург, Шпитгоф, Поле и др. восприняли мою теорию... Главный референт по этому вопросу, а также известный критик теории К. Маркса Вернер Зомбарт заявил, что я являюсь «отцом новейшей теории кризисов... представляющей собой чрезвычайный шаг науки вперед и высшую поныне форму теории кризисов» (Туган-Барановский, 1907, с. 39).

В России выход книги был отмечен с иронией, за которой просматривалось также нежелание критиков разобраться по существу поднимаемых Туган-Барановским вопросов. Его просто обвинили в резком отходе в сторону буржуазной экономии. «Так борются в г. Туган-Барановском два человека. Один стремится назад к Канту, другой намерен все-таки держаться почвы современных событий. Вся эта двойственность объясняется исключительно скачком, который сделал г. Туган в сторону буржуазной экономии. И вся его забота состоит в том, чтобы не испугать демократическую буржуазию. Жалкая это задача и соответственно ей вышли столь же жалкими и теоретические построения г. Туган-Барановского» (Каннель, 1905, с. 185—186).

Интересно, что сравнительный анализ русского и немецкого текстов выявляет ряд расхождений в изложении одних и тех же вопросов, а также отсутствие некоторых текстов в немецком или, наоборот, в русском варианте. Это связано с пониманием Туган-Барановским различия в уровне подготовленности русской и немецкой аудитории к осмыслению учения К. Маркса: если в России обычно все труды Маркса трактовались ортодоксально и критика его положений исключалась, то в Германии такая критика была делом обычным.

Имеющиеся расхождения выявляют важность для Туган-Барановского этической проблематики и характеризуют немецкий текст как более критичный, в котором он дальше удаляется от Маркса, значительно дальше, чем в русском. В немецком тексте нет оправдательной позиции автора по отношению к Марксу, что особенно характерно для первого раздела русской книги. В этом отделе, касающемся непосредственно анализа философской части марксизма, при рассмотрении учения о классовой борьбе Туган-Барановский говорил и в русском, и в немецком варианте о том, что в работах Маркса нет точного определения понятия «класс». Но только в русском варианте он как бы пытается объяснить и оправдать Маркса, говоря: «Наша попытка выяснить вопрос об общественном классе привела, таким образом, к весьма неожиданным результатам. По-видимому, остается еще лишний раз изумиться логическим противоречиям знаменитого экономиста. И, конечно, все эти несомненные противоречия, но противоречия ли в терминологии, или в самой мысли? Мы этого еще пока не знаем. Быть может, автор «Капитала» повинен только в небрежной терминологии — вина не очень большая, не исключающая возможности логической правильности мысли» (Туган-Барановский, 1905, с. 15).

И в русском, и в немецком текстах, касаясь теории Маркса о преобразовании экономической борьбы в борьбу политическую, Туган-Барановский отмечает, что это возможно путем организации пролетариата в класс и политическую партию, но только в немецком тексте имеется цитата из «Манифеста Коммунистической партии», из которой следует, что «организация пролетариата в класс и политическую партию может быть в любой момент разрушена в результате конкуренции среди самих же рабочих» / *«die Organisation der Proletarier zur Klasse und damit zur politischen Partei jeden Augenblick wieder gesprengt wird durch die*

Konkurrenz unter den Arbeitern selbst» / (Tugan-Baranowsky, 1905, s. 23—24). То есть речь идет о внутриклассовых противоречиях, о которых автор «Капитала» умалчивал. А между тем класс — это чрезвычайно сложный социальный и культурный тип, между представителями которого могут быть и есть уже группы с очень разными интересами. Особенно отчетливо Туган-Барановский говорил об этом в немецком издании. Так, в русском тексте речь идет о противоположности общественных интересов: «Мы уже знаем, что общественный класс есть нечто совершенно иное, чем группа лиц одинаковой профессии. Понятие общественного класса неотделимо, по учению Маркса, от понятия противоположности общественных интересов. Где этой противоположности интересов нет, там нет и классов. Вот почему в первобытном обществе не было классов, вот почему в современном обществе священники и врачи или артисты не образуют особых классов — интересы всех этих общественных групп не находятся в непримиримом антагонизме с интересами каких-либо других общественных групп» (Туган-Барановский, 1905, с. 17). Характерно, что в немецком варианте причина противоположности интересов обозначена конкретно как присвоение одними общественными группами прибавочного труда других групп: «На чем основывается это неизбежное противоречие интересов, которое является решающим характерным признаком классового общества? Маркс дает точный ответ на этот вопрос: «Все классовые противоречия являются ничем иным как выражением самого основного противоречия современного общества, которое проявляется в присвоении одними общественными группами прибавочного труда других групп. Таким образом, образование классового общества является социальным выражением господствующего антагонистического способа производства; пока будет существовать неоплаченный прибавочный труд, общество будет сохранять классовый характер» / «*Worauf beruht aber dieser unvermeidliche Interessengegensatz, welcher das entscheidende Charaktermerkmal der Klassengesellschaft bildet? Die Marxsche Antwort darauf ist klar und praezis: Alle Klassengegensaetze sind nicht anders als ein Ausdruck des fundamentalsten Gegensatzes der modernen Gesellschaft, welcher in der Aneignung durch einige gesellschaftliche Gruppen der Mehrarbeit anderer besteht. Der Klassenzusammensetzung der Gesellschaft ist also ein sozialer Ausdruck der herrschenden antagonistischen Produktionsweise; so lange die unbezahlte Mehrarbeit bestehen wird, wird die Gesellschaft ihren Klassencharakter bewahren*» / (Tugan-Baranowsky, 1905, s. 26). Получается, и это следует из текста немецкого варианта, что священники, врачи и артисты, живя за счет прибавочного труда рабочих и крестьян, органически входят в класс эксплуататоров. В русском варианте этот текст отсутствует.

Следует отметить, что постепенно Туган-Барановский переходит к доказательной критике, более конкретно и жестко представленной в немецком варианте. Так, в главе «Психологические предпосылки материалистического понимания истории» он не разделяет мнения Маркса о главенстве экономических интересов в человеческой жизни. Более того, он считал, что сведение движущих сил человека только к одному интересу — экономическому в узком смысле, к поддержанию жизни, является догмой. Причину такого узкого взгляда знаменитого экономиста Туган-Барановский изложил более конкретно в немецком варианте работы: «Хотя у нас нет права утверждать, что Шопенгауэр оказал прямое влияние на Маркса, но, бесспорно, однако то, что Маркс, как и Шопенгауэр, признавал примат воли над разумом» / «*Zwar haben wir kein Recht, eine direkte Beeinflussung von Marx durch Schopenhauer anzunehmen, aber es steht ausser allem Zweifel, dass Marx ebenso entschieden wie Schopenhauer den Primat des Willens ueber den Intellekt anerkannte*» / (Tugan-Baranowsky, 1905, s. 34—35).

Критика теории Маркса становится еще острее в третьем отделе «Крушение капиталистического строя». При этом текст, представленный только в немец-

ком варианте, отличается большой конкретностью и убедительностью. Здесь Туган-Барановский прямо называет ошибочными положения Маркса о том, что экономические причины приведут к гибели капитализм, опровергая тем самым теории Маркса о недостаточности рынков для капиталистического производства (первый том «Капитала») и о падении нормы прибыли (третий том «Капитала»).

В немецком тексте Туган-Барановский подводит конкретный итог своим исследованиям: «Согласно Марксу стремление нормы процента к уменьшению образует ограничение для капиталистического производства. Именно на основе этой тенденции развиваются разнообразные сбои капиталистического хозяйства. Если число рабочих, занятых на капиталистических предприятиях, не увеличивается и капиталисты не в состоянии увеличить степень эксплуатации рабочих, то согласно Марксу увеличение капитала не может увеличить прибыль. Следовательно, при таких условиях в производстве нет места для новых капиталов. Но так как увеличение капитала нельзя прекратить, то вложение новых капиталов при невозможности повысить массу общественной прибыли, приводит к неприменению в производстве уже вложенных капиталов и к абсолютному перепроизводству капитала.

Таким образом, снижающаяся норма процента образует ограничение для капиталистического производства; это своеобразное ограничение свидетельствует об ограниченном и исторически преходящем характере капиталистического способа производства, свидетельствует о том, что капиталистический способ производства для производства богатства не является абсолютным, вступая в процессе своего поступательного развития на его определенной ступени в противоречие» / *«Das tendenzielle Fallen der Profitrate bildet, nach Marx, eine andere Schranke der kapitalistischen Produktion. Auf dem Boden dieser Tendenz entwickeln sich namentlich mannigfache Störungen der kapitalistischen Wirtschaft. Nimmt etwa die Zahl der in kapitalistischen Unternehmungen beschaeftigten Arbeiter nicht zu und sind die Kapitalisten nicht im Stande, den Ausbeutungsgrad der Arbeiter zu erhoehen, so vermag keine Zunahme des Kapitals die Profitmasse zu steigern. Es gibt also unter diesen Bedingungen keinen Platz in der Produktion fuer neue Kapitalien. Da aber die Kapitalakkumulation nicht aufhoeren kann, so fuehrt die Anlegung neuer Kapitalien, bei der Unmoeglichkeit, die Masse des gesellschaftlichen Profits zu heben, zum Brachliegen der in der Produktion schon angelegten Kapitalien und zur absoluten Ueberproduktion von Kapital.*

Die fallende Profitrate bildet also eine Schranke der kapitalistischen Produktion; diese eigentuemliche Schranke bezeugt die Beschraenktheit und den nur historischen, voruebergehenden Charakter der kapitalistischen Produktionsweise; bezeugt, dass sie keine fuer die Produktion des Reichtums absolute Produktionsweise ist, vielmehr mit seiner Fortentwicklung auf gewisser Stufe in Konflikt tritt» / (Туган-Барановский, 1905, с. 235—236). Далее Туган-Барановский добавляет: «В первом варианте теории о необходимом крушении капиталистического экономического порядка основной акцент ставится на диспропорции между капиталистическим производством и общественным потреблением. А здесь подчеркивается несоответствие производства образованию процента. Мы уже знаем, что первый вариант теории является полным заблуждением. Заблуждением является и второй вариант теории, как это было доказано (в главе VII)» / *«In der ersten Variante der Theorie des notwendigen Zusammenbruchs der kapitalistischen Wirtschaftsordnung wird der Nachdruck auf das Missverhaeltnis der kapitalistischen Produktion und der Profitbildung betohnt»* / (Туган-Барановский, 1905, с. 236).

Вместе с тем Туган-Барановский, рассматривая идеи Маркса, не сомневается в том, что на смену капиталистической формации придет новое общество, основанное на принципе ассоциации непосредственных производителей. Однако причиной гибели капитализма он считал не экономические, а этические

причины. Эту мысль он более полно выражает в немецком тексте: «Теперь социалистический идеал обладает этими двумя признаками. Он отвечает интересам рабочего класса, составляющим большинство населения, и его одновременно следует рассматривать как основное требование естественного права. «Естественное право — это единственное право, данное нам по рождению», — сказал великий мыслитель Нового времени, — а «свобода (независимость от другого вынужденного произвола), пока она может сосуществовать со свободой, обусловленной общим законом, является единственным и изначальным правом человека в силу человеколюбия». Капитализм не допускает это изначальное человеческое право; поэтому он должен уступить место лучшему и более справедливому общественному порядку» / «*Nun besitzt das sozialistische Ideal diese beiden Eigenschaften. Es entspricht den Interessen der Arbeiterklassen — der groessten Mehrzahl der Bevoelkerung — und ist zugleich die fundamentalste Forderung des Naturrechts zu betrachten. “Das angeborene Recht ist nur ein einziges”, hat der groesste Denker der Neuzeit gesagt, und “Freiheit (Unabhaengigkeit von eines anderen noetigender Willkuer), sofern sie mit jedes anderen Freiheit nach einem allgemeinen Gesetz zusammen bestehen kann, ist dieses einzige, urspruenglichste, jedem Menschen kraft seiner Menschheit zustehende Recht”. Der Kapitalismus vereitelt dieses urspruenglichste Menschenrecht; darum muss er einer besseren und gerechten Gesellschaftsordnung Platz machen*» / (Туган-Барановский, 1905, с. 238–239).

Этот текст, отсутствующий в русском варианте, содержит значимые для автора идеи о справедливости, развиваемые в то время С. Н. Булгаковым и Н. А. Бердяевым. Это хорошо выразил современный исследователь И. П. Смирнов: «Требования справедливости продиктованы идеалом абсолютной ценности человеческой личности. Только Булгаков и Бердяев очень скоро стали связывать эту мысль не с Кантом, как Туган-Барановский, а с христианством...» (Смирнов, 1995, с. 134).

Исследуя классовый подход ортодоксальных марксистов к экономической науке, Туган-Барановский пришел к выводу, что экономическая и социальная науки возможны, если в их основе лежит категорический императив, сформулированный Кантом. Одним из важнейших его следствий является признание человеческой личности как верховной ценности. Интересно отметить, что при рассмотрении вопроса о социальном движении в русском варианте употребляется слово «равноценность», а в немецком — «равноправность» (*Gleichberechtigung*). Так, в русском варианте можно прочитать: «Историческая мощь нового социального идеала основывается не только на его соответствии классовым интересам рабочих, но и на его соответствии моральным идеям нашего времени, признавшего *равноценность* каждой человеческой личности» (Туган-Барановский, 1905, с. 83). В немецком варианте вместо слова *равноценность* употребляется слово *равноправность*: «Историческая мощь нового социального идеала основывается не только на его соответствии классовым интересам рабочих, но и на его соответствии моральным идеям нашего времени, признавшего *равноправность* каждой человеческой личности» / «*Die Staerke des modernen Sozialismus beruht ebenso nicht nur auf den Klasseninteressen der Arbeiter, sondern auch darauf, dass der Sozialismus dem moralischen Bewusstsein unserer Zeit entspricht, welches die Gleichberechtigung aller Menschen fordert*» / (Туган-Барановский, 1905, с. 123).

С точки зрения языкового употребления *равноправность* не значит *равноценность*. В русском языке *равноправность* имеет два значения: 1) равноправное положение и 2) положение людей в обществе, обеспечивающее их одинаковые политические и гражданские права, а *равноценность* толкуется как одинаковость по цене, значению, качеству (Ожегов, 1978, с. 587).

И в немецком языке данные слова также отличны по своему значению. Так, *равноправность* (Gleichberechtigung) означает наделение равными правами (Ausstattung mit gleichen Rechten), а *равноценность* (Gleichwertigkeit) подразумевает равноценные качества, свойства (gleichwertige Beschaffenheit) (Wahrig, 1980, с. 1578, 1581).

Слово *равноценность* подразумевает, что все люди одинаковы как чистые листы хорошей бумаги, а термин «*равноправие*» имеет объективную окраску, подчеркивая, в сущности, что неоднозначные люди имеют равные права. Говоря в русском переводе *равноценность*, Туган-Барановский подчеркивал великий русский идеал: все люди равны, и ценность каждого одинакова, нет элит и нет людей дна. Напротив, в немецком варианте этот аспект снят. Подразумевается, что в обществе значимость или, как теперь говорят, релевантность людей различна. Все, на что могут претендовать люди, — это претензия на равные права. И только.

Таким образом, Туган-Барановский для русских читателей утверждал, что *равноценность* и есть основание для *равноправности* и, в сущности, отождествлял эти понятия. «Всякая личность, — писал он, — есть верховная цель в себе, почему все люди равны, как носители святыни человеческой личности» (Туган-Барановский, 1911, с. 24). Подробно об этом он писал одному из своих учеников П. А. Кузько: «Что же касается нашего спора о равноценности, то как же можно обосновать равноправность, как не равноценностью? Можно ли для блага человечества зажарить ребенка на костре? Если нельзя, значит, ценность всего человечества не больше, чем ценность ребенка, значит, ценность ребенка бесконечна (ибо она не меньше ценности всего человечества), а бесконечность равна бесконечности. Будьте последовательны — если люди равноправны, значит, они и равноценны» (цит. по: Смирнов, 1995, с. 243).

Любопытно, что *равноценность* здесь трактуется как следствие *равноправности*. И, хотя ценность ребенка в духе Ф. М. Достоевского отождествляется с его слезой, на деле, и это, конечно, не мог не понимать Федор Михайлович, считая, что ради равноценности шигалевы «всякого гения потушат в младенчестве».

Не то в Германии. Там хоть и был популярен Достоевский, идеи *равноправности* были общепризнанными, а мысли о *равноценности* бомжа и профессора могли быть и непонятыми. Предвидя это, Туган-Барановский предпочел ограничиться равноправностью.

Туган-Барановский, считая себя учеником и последователем К. Маркса, как и Маркс верил, что на смену капитализму придет более прогрессивный экономический порядок — социализм. Но в то время как Маркс «...не признавал каких-либо этических или гуманистических мотивов для предпочтения социализма и перехода на сторону пролетариата» (Рассел, 2007, с. 267), исходным пунктом социалистического учения Туган-Барановского как раз и была идея о необходимости рассмотрения человека как «верховой ценности» всего общественного бытия.

Выявленные расхождения в русском и немецком изложении текста подчеркивают значимость этики для Туган-Барановского. К этой теме в наследии знаменитого русского экономиста обращались многие его соотечественники.

Выдающийся ученик Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев писал о своем учителе: «В основу его социально-идеологического мировоззрения он уже определенно кладет нравственные принципы философии Канта. Эти принципы... приобретают у него власть даже над основами чистой социально-экономической теории» (Кондратьев, 1923, с. 67). И. Цвайнерт, известный специалист по истории российской экономической мысли, отмечает: «Максима Канта об «абсолютной ценности» человеческой личности, согласно которой человек должен всегда

рассматриваться как цель и «никогда как средство», стала на рубеже веков стержнем мировоззрения Туган-Барановского» (Цвайнерт, 2007, с. 326). Внук Туган-Барановского историк Д. М. Туган-Барановский пишет, что Туган-Барановский «критиковал марксизм с этических позиций» (Туган-Барановский, 1997, с. 32). Исследователь И. А. Голосенко называет Туган-Барановского «русским неокантианцем» (Голосенко, 1990, с. 89). Также считает и историк С. Н. Татарникова: «Социалистические взгляды Туган-Барановского несли на себе сильный отпечаток неокантианства» (Татарникова, 1991, с. 221).

Сам Туган-Барановский, обращаясь к этой волновавшей его теме, утверждал: «Марксизм отвергал необходимость этического оправдания социализма и, конечно, не без достаточных оснований. Дело в том, что вся система общественной философии марксизма проникнута принципиальным отрицанием этики. Внеклассовую этику марксизм признает предрассудком, а классовая этика есть внутренняя невозможность. И потому марксизм вполне последовательно ставит на место морали классовый интерес. Получается очень стройное социологическое построение, в котором для этики в собственном смысле слова места нет. И если на практике марксизм не в силах удержаться на этом принципиальном аморализме, то в теории он твердо стоит на этой позиции» (Туган-Барановский, 1909, с. 4).

Отсутствие этических норм в учении Маркса Туган-Барановский связывает с личностью создателя учения, о чем свидетельствуют характеристики, которые ученый дал К. Марксу: «Ненависть, презрение, сарказм — вот те чувства, из которых слагался пафос Маркса. Творец «Капитала» был глубоким психологом, но нельзя не согласиться с Зомбартом, что человеческая душа была раскрыта для него лишь наполовину: все темное и злое находило в нашем мыслителе удивительного ясновидца, но по отношению к благородным движениям человеческой души он страдал чем-то, весьма похожим на умственную слепоту. Ему было знакомо негодование против зла — но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места» (Туган-Барановский, 1906, с. 228—232).

Туган-Барановский верил, что социализм восторжествует, потому что люди хотят справедливости. Он говорил об этом, не отдавая себе отчета, что значит справедливость. Он не знал вывода Ф. А. фон Хайека: «Желание считать что-то справедливым может долго туманить наш разум» (Хайек, 2006, с. 212). Туган-Барановский был убежден в необходимости борьбы за лучшую жизнь будущих поколений. Социализм представлялся ему как более высокий этап по сравнению с капитализмом, приближающий человечество к свободе личности, а каждая личность «представляет собой своеобразную «самоцель», интересам которой должен быть подчинен весь строй общества». (Туган-Барановский, 1997, с. 48).

Подобные утверждения ученого шли вразрез с постулатами большевизма. Поэтому труды М. И. Туган-Барановского получили на родине от ортодоксальных марксистов лишь презрительное название «туганианство» или «туган-барановщина», под которым понимали отход «...от легального марксизма через стыдливое мелкобуржуазное примиренчество к откровенно-циничному служению буржуазии» (Гольман, 1926).

Освещение вопросов, поднятых в «Основах марксизма», вызвало бурю негодования в стане ортодоксов и сторонников неизменного учения Маркса, которые увидели в этом желание автора опровергнуть идею социалистического преобразования общества. Роза Люксембург обвиняла Туган-Барановского в том, что он просто «...выбивает из-под социалистической теории все объективные экономические опоры и в своем воображении перестраивает мир на «более красивый» лад на фундаменте этики» (Люксембург, 1923, с. 328). Ближайший сорат-

ник Ленина Н. И. Бухарин говорил по адресу Туган-Барановского: «“*Maximes generales*” теоретической деятельности г. Тугана состоят в грубейшей апологии капиталистического режима и борьбе с революционным марксизмом. Если здесь и есть какая-нибудь логика, то исключительно лишь логика теоретического жульничества, которое не брезгует ничем, если нужно оправдать Его Величество Капитал» (Бухарин, 1925, с. 74, 75).

Но так ли это на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно разобраться с основными положениями социально-экономических воззрений ученого.

Туган-Барановский говорил о том, что наука должна решать две задачи: описывать явления и объяснять их. Для этого необходимо отбирать важные для познания признаки явлений, которые предполагают критерий отбора. Для существования экономической и социальной науки в ее основу необходимо положить «общезначимый критерий отбора признаков явлений — критерий, получаемый нами от нашего морального сознания и формулирования Кантом. Таким критерием является идея верховной ценности человеческой личности» (Туган-Барановский, 1903, с. 127—129).

Руководствуясь этой идеей, Туган-Барановский искал высший общественный идеал, сочетающий в себе экономическую эффективность и нравственную безупречность. Ученый строил свою модель социализма, социализма с человеческим лицом, не принимая модель ортодоксальную. Главное, что противоречит убеждениям Туган-Барановского и что присутствует в системе коллективизма, — это подавление личности, ее тотальное подчинение центральной власти. «Если мы представим себе социалистическое государство как гигантскую машину, в которой отдельный человек играет роль винтика или колеса, управляемого движением всего механизма, то это, может быть, и поведет к созданию наибольшей суммы общественного богатства, но не будет соответствовать интересам трудящегося человека, не желающего принижать себя до простого подчиненного орудия общественного целого» (Кондратьев, 1923, с. 111).

История подтвердила правильность опасений великого ученого. Дорого обошелся миллионам личностей социалистический централизованный «рай», последствия замены морали классовым интересом: «М. И. Туган-Барановский как бы предостерегал от насилия и обнищания — тех разрушительных последствий государственного централистского коллективистского социализма, который, поставив в центр внимания экономические и социальные интересы коллектива, ввергся тем самым в пучину неэффективности и стагнации» (Пияшева, 1990, с. 91). Этим, вероятно, и объясняется обращение к наследию выдающегося русского ученого в нашей стране в период осознания основательности кризиса экономической и духовной жизни. По-прежнему актуальны мысли ученого, словно выражены они сегодня, а не столетие назад: «Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится, и отовсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, создаются новые формы искусства, крепнут новые течения философской и научной мысли, развивается в недрах старого новый социальный строй...». Однако «еще не созрела новая социальная система, долженствующая заменить ветшающий марксизм» (Туган-Барановский, 1906, с. 259). Туган-Барановский был убежден в необходимости борьбы за лучшую жизнь будущих поколений и верил, что настоящее время — это только увертюра к чему-то новому, большому и великому. И, может быть, он был прав.

Источники

- Бухарин Н. И.* Империализм и накопление капитала. М.; Л., 1925.
Голосенко И. А. От Маркса к Канту. М., 1990.
Гольман Н. Б. Туган-барановщина Л., 1926.
Каннель В. Я. Новые книги // Русское экономическое обозрение. 1905. Ноябрь.-дек.
Кондратьев Н. Д. М. И. Туган-Барановский. Пг., 1923.
Королькова Е. Душа, преисполненная веры // Знание — сила. 1991. № 2.
Люксембург Р. Накопление капитала. М., 1923.
Неизвестный М. И. Туган-Барановский. СПб., 2008.
Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1978.
Пияшева Л. И. М. И. Туган-Барановский и современность // Общественная мысль: исследования и публикации. М., 1990. Вып. II.
Рассел Б. История западной философии. Новосибирск, 2007.
Смирнов И. П. От марксизма к идеализму: М. И. Туган-Барановский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев. М., 1995.
Татарникова С. Н. М. И. Туган-Барановский — мыслитель, демократ, экономист // Вопросы истории. 1991. № 9—10.
Туган-Барановский Д. М. Предисловие // *Туган-Барановский М. И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.
Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997.
Туган-Барановский М. И. Крушение капиталистического строя как научная проблема // Новый путь. 1904. № 10.
Туган-Барановский М. И. Лекции по политической экономии за 1906/1907 г. СПб., [1907].
Туган-Барановский М. И. Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма // Начало. 1899. № 3.
Туган-Барановский М. И. Основы политической экономии. СПб., 1911.
Туган-Барановский М. И. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. СПб., 1906.
Туган-Барановский М. И. Периодические промышленные кризисы. СПб., 1894.
Туган-Барановский М. И. Предисловие // *Форлендер К.* Кант и Маркс: очерки этического социализма. СПб., 1909.
Туган-Барановский М. И. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905.
Хайек Ф. А. фон. Право, законодательство и свобода: современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М., 2006.
Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход. М., 1959.
Цвайнерт И. История экономической мысли России. 1805—1905. М., 2007.
Tugan-Baranowsky M. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig, 1905.
Währig G. Währig Deutsches Wörterbuch. Bonn, 1980.